

— Однако, если хочешь стать человеком над людьми, порой без определенных средств и хитрости просто не обойтись, — снова обратился Му Цинли к Е Фанцзину.

— И к тому, кто лишен чести, зачем проявлять учтивость?

Е Фанцзин погрузился в задумчивость, слушая его слова.

Перед тем как сесть в повозку и уехать, Му Цинли окликнул проводившего его Е Фанцзина:

— Кстати говоря, когда всё завершится, не согласится ли Его Высочество исполнить одну мою просьбу?

Е Фанцзин был занят мыслями и не обратил внимания на то, что обращение Му Цинли к нему стало еще более отчужденным:

— Говори.

— Каких бы ошибок ни наделал Е Фанчэн, какое бы преступление ни совершил, я хочу, чтобы ты передал его мне и позволил поступить с ним по моему усмотрению, — ответил Му Цинли.

Лицо Е Фанцзина застыло, взгляд надолго задержался на собеседнике, и наконец он тихо спросил:

— Ты и вправду так сильно любишь третьего брата?

— Мм, очень люблю, — спокойно ответил Му Цинли, и в его глазах мелькнула редкая мягкая улыбка.

Е Фанцзин крепко сжал губы, и его ответ прозвучал не слишком радостно:

— Без проблем. — К Е Фанчэну он изначально не испытывал особого интереса и вовсе не собирался вцепляться в него мертвой хваткой. Если Му Цинли действительно поможет ему, для него это сущий пустяк.

Ему лишь было немного завидно, и он думал о том, что Е Фанчэн едва ли заслуживает стольких душевных сил, которые Му Цинли в него вкладывает.

Попрощавшись с Е Фанцзином, Му Цинли неторопливо уехал в колыхаге.

В ушах остался лишь стук копыт да свист ветра, постепенно утишавшие невольно поднявшуюся на сердце бурю.

Маленький ученик был для него особенным — в этом не было сомнений.

В Мире совершенствования, учитывая его положение, статус и силу, многие открыто выражали ему свои чувства. Однако за столько лет он принял лишь младшего ученика и лишь к нему питал слабость.

Хотя в этой жизни он не собирался просто так отпускать ученика, отданную любовь тоже было невозможно вернуть в одно мгновение.

Поэтому Му Цинли решил дать себе время длиной в целую жизнь.

Он позволял себе любить младшего ученика лишь еще одну жизнь.

Когда эта жизнь подойдет к концу и он сведет все накопившиеся между ними счета, — неважно, сведет ли их судьба вновь в будущем, — он больше никогда не вспыхивает к нему страстью.

Исток их связи лежит в прошлой жизни, а конец — в этой, всё честно.

После этого Е Фанчэн по-прежнему был очень заботлив с Му Цинли, все его слова и поступки казались предельно искренними. Му Цинли тоже пытался подслушать его истинные мысли, но стоило всем делам вернуться в привычное русло, как на душе у Е Фанчэна воцарилась гладь озера, а говорить он стал реже некуда.

Единственное, что не давало ему покоя, — это любопытство о судьбе Е Фанцзина.

К счастью, нежный голосок, казалось, ведавший обо всем на свете, почему-то никак не мог отыскать местонахождение Е Фанцзина и лишь передавал Е Фанчэну, что тот всё еще жив.

Е Фанчэн, разумеется, находил это странным.

Му Цинли продолжал скрывать от Е Фанчэна то, что прячет Е Фанцзина, и даже тайком помогал тому передавать весточки старому маркизу. Му Цюаньсун тоже кое-что знал о ситуации с Е Фанцзином — в конце концов, во многих делах приходилось полагаться на помощь клана Му.

Му Цюаньсун спрашивал его, зачем он это делает.

— Ты... да если об этом узнает император, тебя же обвинят в измене государству!

Му Цинли лишь туманно пояснил:

— Я не могу всецело доверять императору. Мне почему-то кажется, что, как только он укрепит свое положение при дворе, он нанесет удар по клану Му.

— Если всё продолжит развиваться в том же духе, влияние клана Му будет только расти, и в конце концов мы даже станем угрозой для императора. Правители по большей части невероятно подозрительны. Отец, ты можешь поручиться, что император и вправду позволить клану Му процветать вечно?

Му Цюаньсун ничего не ответил; по его тяжелому выражению лица было заметно, что он уже прислушался к словам сына и в глубине души даже разделяет эти опасения.

Тогда Му Цинли добавил:

— По своему характеру Е Фанцзин куда мягче Е Фанчэна. Что важнее, если мы поможем Е Фанцзину, то неизменно потратим немало сил и средств. Когда он успешно захватит престол, клану Му из-за оказанной ему помощи потребуется время на восстановление потерь, и в краткосрочной перспективе мы не станем представлять для него угрозы, так что у него пока не будет причин расправляться с кланом Му.

Му Цюаньсун все еще беспокоился:

— А с чего ты взял, что Е Фанцзин не станет вторым Е Фанчэном?

— Ручаться не могу, — произнес Му Цинли. — Но сейчас я по крайней мере больше доверяю Е

Фанцзину. К тому же, вступив с ним в тесное сотрудничество в этот раз, мы узнаем больше его секретов, и он уж точно не посмеет легкомысленно пойти против нас.

— В какой-то мере это мера предосторожности ради спасения клана Му, — заключил Му Цинли. — Если отец мне не верит, можешь подождать еще несколько месяцев.

— Через несколько месяцев император непременно начнет действовать.

Слова Му Цинли начали сбываться ближе к концу весны следующего года.

Е Фанчэн обладал выдающимися организаторскими способностями и потратил около полугода на то, чтобы прочно закрепиться на троне и упрочить свою власть. Неизвестно с каких пор, но Е Фанчэн и Му Цинли стали видеться всё реже и реже.

В тот день Му Цюаньсун вернулся в резиденцию клана Му крайне озабоченным, и когда Му Цинли услышал от него имя Е Фанчэна, то вдруг сообразил, что они не виделись уже почти месяц.

— Ты был прав, император и вправду нанес удар по клану Му, — вздохнул Му Цюаньсун.

Речь шла не об основном клане, а об уехавшем на юг в Наньчжоу дяде Му Цинли. Их ветвь семьи почти не вмешивалась в государственные дела, но вела огромную торговлю и была главным источником доходов всего клана Му.

Однако недавно Е Фанчэн обвинил их в обмане государя и коррупции, а также усмотрел в их действиях подозрения в сговоре с враждебным государством против императорского двора. Мало того что их имущество подлежало конфискации, самих их должны были в кандалах доставить в темницу столицы в ожидании казни.

Му Цюаньсун так извёлся от тревоги, что у него прибавилось седых волос:

— Ты же знаешь твоего дядю, он с малых лет был кристально честным человеком — то, чего делать нельзя, он бы ни за что не стал делать. Как он мог совершить такие преступления?

Выслушав его, Му Цинли нахмурился:

— Отец, ты хочешь сказать, что император и вправду может их казнить?

— Трудно сказать. Всё зависит от того, насколько далеко он хочет зайти с предупреждением клану Му.

Неужели младший ученик поступил столь безжалостно?

Разве его главной мишенью не был он сам, Му Цинли? Если так, то зачем было впутывать невиновных?

Поразмыслив, Му Цинли сказал:

— Отец, пока не тревожься, я сейчас же отправлюсь во дворец на аудиенцию к императору.

Этой проклятой твари (?) по имени Бо, у которой пока нет имени в тексте, (видимо, бессмертного) принадлежат мысли: Эти проклятые миры выбирал твой собственный Изначальный дух, ты не можешь меня не любить.

Му Цинли: Ах, это...

Первый мир (8)

Му Цинли успешно попал во дворец, но он никак не ожидал, что младший ученик решит поиграть в важную персону.

Возле Кабинета императора евнух в темно-синих одеждах почтительно согнулся в поклоне и произнес:

— Император занят государственными делами, прошу юного господина немного подождать. Как только Его Величество закончит, он примет вас.

Выслушав это, Му Цинли улыбнулся.

— Верно, у Его Величества тысяча дел в день, он наверняка очень занят. Тогда я пока не стану мешать, зайду в другой раз, спешить некуда.

Бросив евнуху у дверей эти слова, Му Цинли развернулся и зашагал прочь, не оглядываясь.

Правда, шел он медленно: в любом случае от Кабинета императора до стоянки повозок было далеко, так что он решил заодно полюбоваться пейзажами.

Всё произошло ровно так, как он и предполагал.

Вскоре после того, как он ушел, тот самый маленький евнух, который только что передал ему приказ ждать снаружи, со всех ног припустил за ним догонять. Из-за бега он немного запыхался, его личико покраснелось, а дыхание сбилось:

— Ю-юный господин, император... император говорит, что он закончил дела и готов немедленно вас принять, прошу вас пройти с ним.

Му Цинли едва заметно изогнул губы, кивнул и последовал за ним.

Е Фанчэн, разумеется, не собирался вести себя как жестокий тиран, бессмысленно убивающий невинных.

Хотя он и отыгрывал роль никчемного императора, по своей природе он таковым не был и совершить подобное не мог.

— Он что, просто взял и ушел?

В Кабинете императора Е Фанчэн сидел за письменным столом, переваривая доклад маленького евнуха, и никак не мог поверить, что Му Цинли удалился с таким непринужденным видом.

Судя по плану и довольно хрупкому характеру его нынешнего воплощения, разве не должен был тот устроить ему грандиозный скандал под дверью кабинета, после чего он, вынужденно впустив его внутрь, стал бы с ним спорить?

— Наверное, он проявил чуткость и не захотел тебе мешать.

Лицо Е Фанчэна стало еще мрачнее. Вспомнив что-то, он ответил с абсолютной уверенностью:

— Исключено.

Разве раньше он мало мешал?

В общем, ради гладкого продвижения сюжета Е Фанчэну пришлось через силу заставить маленького евнуха вернуть гостя обратно.

— Император искал меня? — поприветствовав его поклоном, Му Цинли решил перейти в наступление и с улыбкой спросил.

Е Фанчэн на мгновение умолк и парировал:

— Разве не ты хотел видеть Меня?

— У меня действительно кое-что на уме, хотелось бы обсудить это с Его Величеством, — ответил Му Цинли. — Тогда не буду тянуть время: раз уж я пришел сегодня во дворец, то прежде всего хочу расспросить о положении моего дяди Му Цюаньчжоу.

— Отец сказал мне, что Его Величество внезапно обвинил их в преступлениях? Могу я узнать подробности?

Его голос звучал спокойно, в нем не было той тревоги и паники, которую ожидал увидеть Е Фанчэн.

Хотя растерянным и суеющимся должен был быть тот, кто пришел разбираться с проблемой, во взгляде Му Цинли читалось куда больше уверенности, чем у человека, вынесшего приговор.

Е Фанчэн без гнева и радости бросил на него взгляд, взял со стола стопку меморандумов и, словно подавая милостыню, швырнул прямо перед ним:

— Все доказательства здесь, смотри сам.

Даже тон его больше не был прежним — мягким и терпеливым.

Му Цинли не выказал никакого недовольства столь невежливым поведением Е Фанчэна. Вместо этого он молча наклонился, бережно подобрал рассыпавшиеся веером доклады и действительно принялся внимательно изучать их прямо перед Е Фанчэном.

Атмосфера в кабинете стояла зловеще-тихая.

Словно нарочно выгадав время, снаружи появились еще несколько человек. Получив разрешение Е Фанчэна, они внесли в комнату свитки с живописью — стопку за стопкой.

— Император, это портреты новой партии девушек для отбора в наложники, мы принесли их на ваше усмотрение.

Услышав это, Му Цинли вполне естественно отвлекся и на секунду поднял взгляд на Е Фанчэна. Тот, поймав его глаза, с чувством вины и в то же время напускной бравадой отвел в сторону взгляд:

— Оставьте. Если больше ничего нет, можете ступать.

В комнате на мгновение стало шумно, но вскоре вновь воцарилась тишина.

Му Цинли был полностью поглощен чтением докладов. Содержание и улики выглядели весьма убедительно, включая даже секретные письма, которыми те обменивались с родственниками императорской семьи враждебного государства. Что же до доносчиков — возможно, ради их же безопасности или потому, что таковых вовсе не существовало, — их имена были тщательно замазаны.

Е Фанчэн — император, и если ему нужны доказательства, он запросто раздобудет их, даже если их нет.

Пока Му Цинли перелистывал страницы, Е Фанчэн с невозмутимым видом примкнул к просмотру портретов прямо у него на глазах.

— Честно говоря, девушки, которых они тебе подобрали, очень даже хорошенькие, — с воодушевлением произнес нежный голосок.

Е Фанчэн ничего не ответил, вид у него был совершенно безразличный.

— Глянь на эту, кажется, дочь какого-то графа, неплоха ведь?

□Уродлива.□

— А эта? Фигура на зависть, уж она-то точно сможет рожать...

□Не нравится.□

— Вот эта, первая красавица города, старшая дочь министра ритуалов, искусна во всех четырех искусствах — редкая талантливая дева.

□Сойдет.□

— То не так, это не так, а кто по-твоему лучше всех?!

Е Фанчэн снова замолчал, его взгляд был угрюмым и тяжелым. Долго он молчал, прежде чем выдать из себя фразу:

□Я же не взаправду наложниц выбираю.□

Му Цинли, держа в руках стопку докладов, ловко скрыл едва не дрогнувшие в улыбке уголки губ, чтобы не выдать себя перед Е Фанчэном.

Помимо всего прочего, внутренний голос младшего ученика звучал куда забавнее, чем его наигранная суровость.

Е Фанчэн битый час изображал бурную деятельность за письменным столом, пока на него не упала тень. Он слегка приподнял голову.

Му Цинли без лишней нежности опустил перед ним упорядоченные меморандумы, которые как раз закрыли собой улыбающуюся девушку на картине, и сам уставился на него с полуулыбкой и каким-то нечитаемым выражением во взгляде.

Е Фанчэн молча смотрел на стоявшего перед ним человека и вдруг подумал, что нашел ответ на недавний вопрос нежного голоска.

— Я знаю, о чем думает Его Величество, — внезапно произнес Му Цинли, так напугав Е

Фанчэна, что тот на мгновение решил, будто их с Системой Небесной Книги секрет раскрыт.

Однако дальше Му Цинли продолжил:

— Клан Му в свое время помог Его Величеству взойти на престол. Теперь же Его Величество осознал, что мощь клана Му огромна, словно вода, которая может как нести лодку, так и потопить ее, поэтому желание расправиться с нами и прижать нас к ногтю вполне естественно.

Е Фанчэн сначала с облегчением выдохнул, поняв, что секрет остался в тайне, а затем слегка нахмурился от слов Му Цинли.

Он-то думал, что Му Цинли станет с плачем закатывать ему истерики, но тот от начала и до конца держался с поразительным спокойствием.

— А Ли, Я знаю, что тебе нелегко это принять...

— И впрямь нелегко, — позволив себе некоторую дерзость, Му Цинли перебил его и, словно рассчитывая на то, что император пока не станет с ним расправляться, проговорил холодным тоном:

— Его Величество может конфисковать имущество семьи моего дяди и вынести приговор, из-за которого их бизнес рухнет — ради бога. Предупреждение мы получили, и клан Му неизменно останется предан Его Величеству, можете не сомневаться.

— Что же касается смертной казни, осмелюсь ли я попросить Его Величество проявить милосердие и пощадить их жизни? — Му Цинли убрал руку со стола и с твердым выражением лица уставился на него.

Заметив, что Е Фанчэн молчит, Му Цинли добавил:

— Ради наших многолетних чувств, не заходите слишком далеко.

Тон Е Фанчэна внезапно смягчился:

— А Ли, почему ты думаешь о Нас так? Я всегда был благодарен клану Му и думал о том, как помочь твоему дяде и остальным избежать смертной казни. Будь спокоен, Я непременно постараюсь сберечь их жизни.

Услышав это, Му Цинли легко улыбнулся, и на его лице на миг промелькнуло прежнее простодушие:

— Благодарю Ваше Величество.

Е Фанчэн, словно зачарованный, взял его за руку, ласково погладил ее и, опустив взгляд, произнес:

— Ты же знаешь, что ты — самый дорогой для Меня человек.

— Ох, — Му Цинли чуть приподнял брови, отреагировал на это, а затем медленно перевел взгляд на небрежно отложенный в сторону свиток с портретом красавицы. — Верно, Ваше Величество, вы собрались набирать наложниц?

Рука Е Фанчэна замерла. Он продолжал держать Му Цинли за руку, не зная, сжимать ее дальше или отпустить.

В конце концов Му Цинли сам высвободил ладонь и предложил:

— Ну-ка, давай свитки сюда, я помогу тебе выбрать.

Е Фанчэн: «...»

Му Цинли небрежно взял один из свитков:

— Эта, должно быть, младшая дочь графа Ли? Я видел ее нынешней зимой — кроткая и застенчивая девушка, наверняка очень послушная.

— А это вторая внучка старого генерала Яна, нравом бойкая, человек живой, язык подвешен прекрасно. А главное — фигура что надо, не только рожать способна, но и подарит Его Величеству незабываемые ночи, — в голосе Му Цинли зазвучала неподдельная усмешка.

— И эту император тоже может рассмотреть. Она дочь министра ритуалов, известная на весь город красавица, образованная и невероятно сообразительная, просто идеальная кандидатура на роль императрицы.

В голове у Е Фанчэна слегка помутилось. Взгляд его впервые за долгое время перед лицом Му Цинли растерянно замер, так что он даже не расслышал, как вопил всю нежный голосок:

— Ой-ой-ой, мы с господином и впрямь созданы друг для друга, сердца бьются в унисон, ты только посмотри, его мысли точь-в-точь совпадают с моими!

Простояв в ступоре добрую половину дня, Е Фанчэн ошеломленно задал мысленный вопрос:

□Он... не сердится?□

Нежный голосок на мгновение умолк, а затем ответил:

— Вообще-то, не факт. Я тут глянул на шкалу удовлетворенности энергией Изначального духа — уже семьдесят процентов.

Обычно в самом начале сладких отношений этот показатель держался на уровне двадцати-тридцати процентов, и поднимался примерно до пятидесяти лишь тогда, когда никчемный любовник начинал показывать свое истинное лицо. В дальнейшем, по мере того как поступки негодяя в рамках сюжета становились всё более возмутительными, эта шкала под влиянием гнева Му Цинли медленно ползла вверх. И лишь когда Му Цинли — главный герой-омега — всё осознает и направит все силы на построение карьеры, став сильной личностью, не зависящей исключительно от главного героя-альфы, показатель достигал ста процентов.

Только тогда он мог искренне подготовиться к мести и покинуть мир, умерев жестокой смертью. Вот почему они всегда считали, что этот процент удовлетворенности напрямую пропорционален гневу Му Цинли.

Однако сейчас Е Фанчэн только-только собирался проявить себя в роли подонка.

Пробыв в оцепенении какое-то время, он с трудом обрел голос и сдавленно спросил Му Цинли:

— Ты... правда так думаешь?

Му Цинли же, напротив, посмотрел на него со странным выражением, будто вопрос был донельзя глупым:

— Конечно. Ты — владыка целой страны, возведение императрицы, набор наложниц, продолжение рода и преемственность династии, разве это ненормально?

— Да, если Его Величество не против, не позволите ли мне тоже выбрать себе кого по душе? Кажется, мне тоже пора задуматься о создании семьи и остепениться, — произнес Му Цинли, и на его лице проступила легкая застенчивая улыбка.

Е Фанчэн бессознательно нахмурился и отмел эту мысль:

— Нет.

Поняв, что его тон прозвучал излишне резко, он добавил:

— Ты еще мал, спешить с семьей некуда.

Мысленно Му Цинли хмыкнул: разве двадцать с лишним лет — это мало?

А в голове у Е Фанчэна внезапно раздался звонкий голосок Системы Небесной Книги:

— Ой, теперь уже семьдесят пять процентов.

Е Фанчэн: «.....□□□»

<http://bllate.org/book/22175/2310353>